

Александр АСТРАХАНЦЕВ

Красноярск

Александр Иванович Астраханцев родился в 1938 году в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал на стройках Красноярска. Прошёл путь от мастера до заместителя начальника домостроительного комбината. Очерки, рассказы, повести публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», в альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор». Автор семи книг прозы, выходивших в Москве и Красноярске. Лауреат журнала «Молодая гвардия» за 1984 год в номинации «Очерк». Отдельные рассказы выходили в сборниках «Лучший рассказ года» (Москва, Новосибирск и др.). Член Союза российских писателей.

БАБА ГРУНЯ И ДЯДЯ МИТЯ

Из цикла «Деревня Таловка»

Её прозвали в деревне Прокурором.

Глухая и полуслепая, в очках с толстенными линзами, но высокая и могучая старуха, не согнутая годами и недугами, ходит она хоть и с толстой палкой, но поступь у неё, надо сказать, прямо-таки царственная, так что суковатая палка её оборачивается неким знаком власти.

Говорить с ней, как со всеми глухими, ужасно трудно: понимает она с пятого на десятое; ты ей про Фому, а она тебе про Ерёму; притом голос у неё, характерный для глухих, ужасно громок и скрипуч, и говорит всегда главным образом она сама, перебивая и не слушая; в ответ надо только кричать «да» или «нет» и, соответственно, кивать или отрицательно мотать головой; впрочем, она и этого по слепоте своей частенько не замечает, а посему её надо просто терпеть.

При этом она общительна и любит ходить по гостям. Особенно после того, как умер её муж, дядя Митя (как его хоронили — рассказ отдельный). Она каждый день к кому-нибудь да идёт в гости, ловко отбиваясь от самых лютых собак палкой и барабаня ею в ставни, в окна, в двери; её пускают и, хотя и посмеиваясь над нею тихонько, но слушают: она в деревне — в роли ходячей газеты, переносчика из дома в дом новостей. Она же — и ходячий календарь, христианский, лунный и агрономический: знает и хорошо

помнит очерёдность всех праздников и святых дней, приметы и сроки посева, прополки и уборки урожая.

Есть у бабы Груни несколько любимиц, которым она уделяет внимания больше других, заходит чаще и говорит охотней. Одна из них — моя матушка.

Начало марта; сибирская зима ещё пробрасывает утрами жёсткую снежную крупу и продирает щёки наждаком колючего хиуса, но солнце уже светит веселей и ярче: глянет днём из-за рваных туч — крыльцо и завалинка так и закурятся тёплым паром... Приходит баба Груня, усаживается, протирает запотевшие очки и учиняет матушке допрос:

— Помидоры-ти не посеяла? Ну ты чо же, Митревна, думашь? Втора неделя Великого поста идёт, а у тебя не у шубы рукав!

— Да не люблю я рано сеять! — изо всех сил кричит, жалко оправдываясь, матушка. — Слишком выгягиваются — толку нет!

— Нет, мать, сей, сей давай, уже все посеяли! — напирает баба Груня. — Сей, я тебе говорю!..

Начало мая. Шумит день и ночь в ручье за огородами полая вода, на северном лесистом склоне горы, что за ручьём, ещё белеют снежные проплешины, а в огороде уже тепло от солнца, дымитя парная земля, выпирает нежная травка вдоль тропки посреди огорода; скворец над крышей сыплет трели, весь трепеща от любовной истомы.

Баба Груня, зайдя во двор, решительно проходит в огород, критически осматривает его, затем входит в дом, и с ходу — замечания:

— Капусту, смотрю, посеяла в парнике. Когда посеяла? Вчера? Ой, что натворила, Митревна, что натворила! Месяц-то, месяц-то на последней четверти да рогами в землю!

— Да не верю я в эти приметы, — опять оправдывается матушка. — Чувствую, пора, вот и посеяла.

— А что страшного-то? — спрашиваю я у бабы Груни.

— Так ведь не будет капусты! — решительно заверяет она. — Блоха источит, червь съест! Зря, зря поторопилась! А морковку посеяла?

— Нет ещё.

— Вот её-то надо сеять! Сеять, сеять! Это что ж такое: Иверская прошла, а у тебя не у шубы рукав! Сей немедленно!

— Хорошо, хорошо, ладно, ладно! — успокаивает её матушка...

Летом баба Груня проверяет, всё ли прополото и полито, а главное, всё ли идёт по приметам, и обязательно находит неувязки и несоответствия... Матушка терпеливо выслушивает её, но делает по-своему — всю жизнь она ведёт огород, почитывает при этом агрономическую литературу, делает кое-какие записи и заметки на память: такого-то числа погода такая-то, посеяно то-то, всходы тогда-то... И, слава Богу, всё в нашем огороде, вопреки бабы-Груниным прогнозам, растёт как надо...

Однажды, уже во время копки картошки, обедаем с матушкой — входит баба Груня, зырк на стол и — замечание матушке, будто уличила в нехорошем:

— Что ж ты сыну бутылку-ти никогда не поставишь?

Мы с матерью переглянулись.

— Он, чай, взрослый человек, сам себе поставить может, — ответила она бабе Груне.

А я добавил, что, во-первых, на матушкины деньги не пью, а во-вторых — не время.

А старуха продолжает, перебивая и, вероятно, не слыша меня:

— Нет, а я сынам обязательно с пензии беру! Как сынов не угостить? Сыны всё ж таки!..

Ей было ужасно жаль меня; она всё сокрушалась и сокрушалась и не могла остановиться — что-то заело внутри у неё: тема, видимо, была для неё больной — у неё даже голос дрожал.

Я тогда ещё не знал подробностей её жизни, воспринимая её самоё, как и все остальные вокруг, существом курьёзным, не более того.

Но именно её рассуждения по поводу бутылки побудили меня заинтересоваться подробностями её жизни — за ними что-то стояло, какая-то драма... Так оно и оказалось.

Дядю Митю, её мужа, в деревне уважали.

Как наденет, бывало, в праздник бостоновый синий костюм — медалей на нём! А среди них главный солдатский орден — орден Славы.

Военным рассказам дяди Мити тоже, бывало, счёту нет: как в непролазных белорусских болотах тонул, да как Одер брали... Войну прошёл, что называется, от и до, и — ни царапинки: какой-то ангел его хранил. Сам он считал так: бабка его родная, когда уходил на войну, от пуль заговорила. Раз только слегка контузило; с тех пор голова слегка на бочок повёрнута осталась — шейный позвонок сместился.

А когда война закончилась — тут-то его сразу и скрутил жесточайший ревматизм: вышли, видать, ему боком белорусские болота; так инвалидом навсегда и остался — всю жизнь с палочкой... Кому такой нужен был? А баба Груня, по доброте своей, и пригрела его (тогда ещё, разумеется, никакая не баба Груня, а здоровая деревенская деваха).

В Таловке весь свой век так и прожили; Митя не работал — не мог, зато получал пенсию; только что помогал Груне управляться с огородом и с коровёнкой да за домом присматривал. Единственный грешок за ним водился — любил крепко поддать. Но только с пенсии. А пенсию, особенно под конец жизни, когда ветеранов шибко чествовать стали, получал очень даже неплохо.

Двух сыновей вырастили. Двух орлов, две надежды на более счастливую долю.

Но сыновья удались непутёвыми — пьющими. Подались оба после армии в город — много ли в деревне попьёшь? В деревне от зари до зари работать надо. Приезжали нечасто, раз в месяц, и угадывали всегда под самую Митину пенсию. Погужуются пару деньков — и опять в город, а у Мити с Груней после их гостеванья только-только на хлеб оставалось до следующей пенсии.

Так и жили, пока дядя Митя однажды не перекинулся — не проснулся утром после пьянки: то ли сердце не выдержало (годочки-то уже не те), то ли отравы какой хлебнул. В это время в Таловке всё больше стало «палёной» водки. Сыновьям-то хоть бы что, а он вот...

Вызвали, как полагается, из районной больницы врача, чтоб справку на похороны дал; врачи знают местных стариков наперечёт и в случае их кончины дают справки после простого осмотра и констатации смерти; но тут приехал врач, посмотрел на мёртвого дядю Митю и велел везти в районную

больницу на вскрытие: что-то ему стало подозрительно; да и ветеран войны всё-таки, на особом учёте состоял.

Сыновья — мужики шустрые, да всё вполпьяна; быстренько погрузили, отвезли. А тут из районного совета ветеранов хорошее пособие на похороны отвалили — ну, они на это пособие и загуляли. Неделю с горя пили. Когда всё пропили, вспомнили про отца, поехали, привезли, похоронили — всё честь честью. Опять сколько-то дней пили — поминали.

Вдруг приезжает в Таловку команда молодцов, тоже, между прочим, все вполпьяна, — и к дядь-Митиным сыновьям:

— Отдавайте нашего отца! Вы вместо своего — нашего в морге забрали!

Те чуть не в драку:

— Как так? Не отдадим — это наш отец!

— А вот так! — говорят приезжие. — Вместо своего — нашего увезли!

Орали-орали, за грудки было уже взялись, да одумались: пошли все вместе на кладбище, откопали, присмотрелись — точно, не дядя Митя лежит!.. Вполпьяна ведь хоронили; да и осень поздняя была, холод, дождь пополам со снегом, мрак — вот и торопились скорее, видишь ли, к поминальному столу. А с бабы Груни что возьмёшь — вовсе слепа!

В общем, те молодцы вытащили из гроба своего папашу, забрали и увезли (шустры-шустры, а ведь тоже ушами хлопали!), а дяди-Митины сыновья поехали снова, привезли и похоронили вроде бы теперь отца; во всяком случае, никто больше прав на него не предъявлял.

Поминки на этот раз были скромнее: всё, что можно было выпить и съесть, сыновья уже выпили и съели до этого; оставалось пропить только скромное похоронное пособие из собеса.

Так упокоился, наконец, с миром ветеран войны, инвалид и кавалер ордена Славы дядя Митя. Мир праху его!

Всё, что с бабой Груней и дядей Митей происходило, — уже дела, как говорится, давно минувших дней. Теперь наша баба Груня — горожанка.

А как получилось-то?.. Когда дядя Митя преставился — соответственно, перестала идти и его ветеранская пенсия. А на бабы-Грунину пенсию много ли попьёшь? Вот сыновья

и перестали ездить вовсе; один каким-то образом скоро в тюрьму попал, у второго — туберкулёз открылся. Жена от сына-туберкулёзника сбежала, внук в армии.

Сама баба Груня, уже не в силах держать огород, продала избушку и подалась к сыну-туберкулёзнику: кормить его и помогать чем-либо, да чтоб квартиру, если помрёт, сохранить для внука.

Туберкулёзник-то туберкулёзник её сын, а «пензию» её, совсем мизерную, не забывает регулярно отбирать у неё и пропивать; да ещё и колотит: требует денег, что баба Груня выручила за избушку. А она эти деньги хитростью отложила себе на похороны: отдала тайком от сына одной надёжной знакомой в городе, чтоб та положила их на свою сберкнижку, а когда понадобятся, чтоб сняла и на эти деньги её похоронила честь честью.

И вот, приделавши к холщовому мешку лямки, наша горожанка баба Груня теперь наезжает время от времени в Таловку и идёт по старым подружкам. По-прежнему проверяет огороды и даёт нагоняя за небрежность и невнимание к святым праздникам и народным приметам. Потом, начав рассказывать про своё нынешнее житьё, вдруг заплачет-запричитает по-бабьи, в голос, схватившись за голову: «Ой-ой-ой, что делать, что делать?..» Расслабится этак на минутку, даст волю слезам, пожалуется на судьбу — и опять собралась с духом...

Деревенские подружки дают ей кто картошечки, кто капустки, кто морковки, и она возвращается в город, таща полный мешок. Это зимой. А летом бредёт в тайгу, собирая всё, что попадётся съедобного: черемшу, грибы, малину, жимолость. Не себе — сыну. А то попросит лопату и копает целыми днями корни шиповника, борца, молочая — от туберкулёза будто бы помогают.

Правда, последнее время её не видно. Что с нею? Или уж совсем обессилела и изнемогла? Или, может, внука дождалась, своей последней в жизни надежды, и юный внук не трясёт её старые косточки, не вытрясает из неё «пензию», жалеет её за все её страдания и не пускает христарничать? Надежды на это, конечно, мало, но вдруг да?..